

Дукорский В.В.^{1,2} ✉, Зайцева Л.Л.³, Остянко Ю.И.², Скугаревский О.А.¹

¹ Белорусский государственный медицинский университет, Минск, Беларусь

² Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь, Минск, Беларусь

³ Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь

Моральный вред, причиненный преступлением, или психическая травма: анализ позиции прокуроров

Конфликт интересов: не заявлен.

Вклад авторов: концепция исследования и написание текста – Дукорский В.В., редактирование – Зайцева Л.Л., разработка дизайна исследования – Остянко Ю.И., постановка проблемы – Скугаревский О.А.

Подана: 12.07.2024

Принята: 19.08.2024

Контакты: vl.dukorsky@tut.by, ippk.kpd@gmail.com, y.ostianko@tut.by, skugarevsky@tut.by

Резюме

В настоящей статье представлены мнения прокуроров о правовой категории «моральный вред» и проблемах ее использования для защиты прав потерпевших от преступлений. В анонимном анкетировании по данному вопросу приняли участие 135 прокурорских работников из всех регионов Республики Беларусь. Результаты анкетирования показали, что, по мнению сотрудников прокуратуры, менее половины потерпевших от насильственных преступлений самостоятельно заявляют иски о компенсации морального вреда. В связи с этим значительная часть респондентов видит необходимость совершенствования обсуждаемой правовой категории. Около половины опрошенных (42,2%) считают, что вместо термина «моральный вред» необходимо использовать термин «психическая травма», а также заимствовать положительный зарубежный опыт в данном вопросе с учетом национальных медико-правовых традиций. Большая часть респондентов положительно относится к внедрению специализированных тестовых методик для подтверждения психической травмы, а также к внедрению инструментальных методов (айтрекинга). Кроме того, сотрудники прокуратуры поддержали идею создания специализированного фонда финансовой помощи потерпевшим (для оплаты психологической, медицинской, социальной, юридической помощи и иных расходов).

Ключевые слова: потерпевший от преступления, вред, причиненный преступлением, психическая травма, моральный вред, психическое расстройство, вред здоровью, охрана психического здоровья, прокурор

Dukorsky V.^{1,2} ✉, Zaitseva L.³, Ostianko Yu.², Skugarevsky O.¹

¹ Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus

² State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

³ Institute for Retraining and Qualification Upgrading of Judges, Prosecutors, and Legal Professionals at Belarusian State University, Minsk, Belarus

Moral Damage Caused by a Crime or Psychological/ Psychiatric Injury: Analysis of the Prosecutors' Position

Conflict of interest: nothing to declare.

Authors' contribution: the concept of research and writing of the text – Dukorsky V., editing – Zaitseva L., development of the design of the study – Ostianko Yu., formulation of the problem – Skugarevsky O.

Submitted: 12.07.2024

Accepted: 19.08.2024

Contacts: vl.dukorsky@tut.by, ippk.kpd@gmail.com, y.ostianko@tut.by, skugarevsky@tut.by

Abstract

This article presents the position on the legal category of "moral injury" and its implementation by professionals who are at the forefront of decision-making both in terms of punishing offenders and protecting the rights of victims. 135 prosecutors from all regions of the Republic of Belarus took part in an anonymous survey. The results of the survey showed that, in accordance with the practical experience of prosecutors, less than half of victims of violent acts independently file claims for compensation for moral harm. Also, a significant part of respondents sees the need to improve the discussed legal category, so about half of the respondents (42.2%) believed that instead of "moral injury" it is necessary to adopt the term "psychological/psychiatric injury" and the positive experience of progressive countries in this matter (with an adjustment for the Belarusian medical and legal reality). A significantly larger number of respondents were positive about the introduction of specialized test methods to confirm psychological/psychiatric injury, as well as about the introduction of instrumental methods (eye tracking). In addition, prosecutors supported the idea of creating a specialized fund for financial assistance to victims (to pay for psychological, medical, social, legal and other expenses).

Keywords: victim of a crime, harm caused by a crime, psychological/psychiatric injury, moral injury, mental disorder, harm to health, mental healthcare, prosecutor

■ ВВЕДЕНИЕ

Становление институтов гражданского общества и построение правового государства невозможно без обеспечения справедливого и эффективного восстановления нарушенных прав граждан. В настоящее время законодательный механизм компенсации потерпевшему его психических страданий реализуется с помощью правовой категории «моральный вред». Нормативное правовое регулирование оснований для компенсации психических страданий (морального вреда) и трудности ее реализации обсуждались авторами настоящей статьи в ведущих правовых изданиях Беларуси: журнале Верховного Суда Республики Беларусь «Судовы веснік» [1], журнале Генеральной прокуратуры Республики Беларусь «Законность и правопорядок»

[2], журнале Следственного комитета Республики Беларусь «Предварительное расследование» [3], а также журнале Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь «Судебная экспертиза Беларуси» [4]. Мнение о категории морального вреда судебных психиатров и судебных психологов было представлено в специализированном медицинском издании [5]. В настоящей работе изложен взгляд на данную категорию и перспективы ее совершенствования с позиции работников прокуратуры.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Прокурорскими работниками из всех областей Республики Беларусь была заполнена анонимная анкета, состоящая из вопросов, посвященных отечественному механизму компенсации потерпевшим их психических страданий (морального вреда), причиненных совершенным в отношении них преступлением. Всего в анонимном анкетировании приняли участие 135 прокуроров. Исследуемая выборка специалистов состояла из 55 мужчин (40,7%) и 80 женщин (59,3%). Средний возраст респондентов – $33,9 \pm 8,5$ (Mo=25, Me=32,0), средний стаж работы по специальности – $8,6 \pm 7,1$ (Mo=3; Me=7,0). Исследование было поперечным, сравнительным. Метод исследования – анкетирование. Различия в частотном распределении внутри признака между группами оценивались с помощью критерия Пирсона χ^2 с использованием поправки Йейтса. Статистическая обработка данных производилась с помощью программного пакета статистического анализа Statistica 12.0.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Право на возмещение морального вреда (психических страданий) закреплено в Конституции Республики Беларусь, а также в целом ряде других белорусских законодательных актов [1]. Самой распространенной причиной возникновения морального вреда является совершенное в отношении человека преступление. Особенно это касается насильственных преступлений, когда риск развития психических расстройств наиболее высок. Однако, по мнению белорусских юристов-практиков, отечественный институт возмещения морального вреда, причиненного преступлением, остается мало разработанным и недостаточно востребованным.

В соответствии с пунктом 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.09.2000 № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» компенсация морального вреда допускается исключительно по требованию, заявленному самим потерпевшим, либо иными лицами в его интересах. Если данное требование не заявлено, то суд самостоятельно не вправе решать вопрос о компенсации морального вреда. Вместе с тем жертвы преступлений редко заявляют иск о компенсации данного вида вреда. На вопрос о том, как часто на практике потерпевшие от насильственных преступлений (физической агрессии) самостоятельно заявляют иск о компенсации морального вреда, 23,0% прокуроров ответили, что потерпевшие очень редко заявляют такой иск, 23,7% респондентов указали, что потерпевшие чаще не заявляют иск (чем заявляют), 11,1% опрошиваемых считают, что примерно половина потерпевших подает исковое заявление о такой компенсации. Только 8,9% прокуроров указали, что потерпевшие от насильственных действий практически всегда заявляют иск о компенсации морального вреда, а 23,7% респондентов отметили, что подобные

потерпевшие чаще иск заявляют, чем не заявляют. Таким образом, суммируя все ответы прокуроров, можно сделать вывод о том, что менее половины потерпевших от насильственных преступлений заявляют иски о компенсации морального вреда.

Согласно части 1 статьи 148 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь (УПК) в уголовном процессе рассматриваются гражданские иски физических и юридических лиц, а также прокурора о возмещении физического, имущественного или морального вреда, причиненного непосредственно преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого. А в части 6 статьи 149 УПК указано, что в случаях, когда этого требует защита прав граждан, гражданский иск в уголовном процессе вправе предъявить прокурор. Следовательно, прокурор может подать гражданский иск в том числе и о компенсации морального вреда, причиненного потерпевшему. Тем самым защитить законные права последнего, когда сам потерпевший по уважительным причинам не в состоянии этого сделать. Однако на практике прокуроры такие иски не заявляют.

Следующий вопрос был о том, как часто родственники (или иные близкие люди) потерпевшего от насильственных действий заявляют иск о компенсации их собственного морального вреда (переживаний, связанных со страданиями их близкого, который является потерпевшим по уголовному делу). Значимо большее ($\chi^2=16,2$; $p<0,001$) количество респондентов (44,4%) ответили, что очень редко родственники потерпевшего заявляют исковое требование, 20,7% респондентов заявили, что близкие чаще не заявляют (чем заявляют) иск, 0,7% опрошиваемых (1 человек) ответили, что примерно половина потерпевших подает заявление о компенсации. Только 4 прокурора указали, что родственники и близкие люди потерпевших заявляют иск практически всегда, 7,4% прокуроров отметили, что родственники потерпевших чаще иск подают, чем не подают. Несмотря на столь низкую обращаемость за компенсацией родственников потерпевших от насилия, специалистам хорошо известно, что среди близких людей таких потерпевших достаточно распространена «травма свидетеля» (викарная травма или вторичная травма), которая возникает у них в силу эмоционального вовлечения. По своей выраженности такая травма может соответствовать уровню посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [6, 7].

Следующий вопрос был связан с привлечением адвоката потерпевшими от насильственных действий (физической агрессии) для защиты своих прав и законных интересов. По опыту большей половины опрошенных (52,6%; $\chi^2=16,1$; $p<0,001$), адвокатов потерпевшие привлекают очень редко. По мнению 23,7% респондентов, потерпевшие чаще не привлекают адвоката (чем привлекают), 11,9% опрошенных отметили, что, по их мнению, потерпевших, привлекающих и не привлекающих к своей защите адвокатов, примерно равное количество. На практике только 2,2% опрошенных сотрудников прокуратуры указали, что потерпевшие привлекают адвоката почти всегда, а 6,7% прокуроров отметили, что потерпевшие чаще привлекают адвоката для защиты своих прав, чем не привлекают. Вместе с тем участие адвоката в качестве представителя потерпевшего позволяет последнему не только более успешно реализовывать защиту своих прав и законных интересов, но и снижать повторную психическую травматизацию (вторичную виктимизацию) потерпевшего от столкновения с ситуацией травмирования [8].

Показателен пример привлечения адвоката в качестве представителя за счет государства для несовершеннолетних потерпевших в Российской Федерации.

В соответствии с частью 2.1 статьи 45 УПК РФ по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета. С точки зрения специалистов сферы охраны психического здоровья, подобная норма необходима и в белорусском законодательстве. Более того, по нашему мнению, такой порядок следует распространить на всех потерпевших от сексуального насилия, а также тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья (т. е. событий, которые в любом случае вызывают тяжелый стресс).

В результате выполнения адвокатом функции представителя потерпевшего, их сотрудичества, а также максимально раннего привлечения адвоката к защите прав потерпевшего нивелируются несколько обстоятельств, затрудняющих реализацию последним своих законных интересов. Так, например, многие потерпевшие вовсе не знают о возможности получения денежной компенсации за свои психические страдания. Также все еще имеет место стигматизация жертв сексуального насилия, которая является причиной чувства стыда и вины у потерпевших, что является субъективным (как и боязнь обвиняемого), но весьма значимым препятствием для отстаивания своих прав.

В то же время существуют исключительно медицинские (психиатрические) причины необращаемости потерпевших за денежной компенсацией. Этими причинами являются симптомы психических расстройств либо переживаний доклинического уровня: тревоги, депрессии, фобии, панические атаки или ПТСР (избегание ситуаций, напоминающих обстоятельства получения травмы). Все это приводит к тому, что часто потерпевшие всячески уклоняются от любых событий, напоминающих им о ситуации травмирования.

Полагаем, что привлечение адвоката – представителя потерпевшего позволит ему всесторонне оценить ситуацию, в том числе приблизительно спрогнозировать влияние психической травмы не только на жизнь потерпевшего в ближайшее время, но и на последующую жизнь, и, как следствие, заявить гражданский иск, определив обоснованную сумму денежной компенсации. Кроме того, именно адвокат в ходе предварительного следствия и суда может привлечь специалиста сферы охраны психического здоровья как для оценки психической травмы и ее последствий, так и для актуальной помощи потерпевшему. Вместе с тем мнения прокуроров относительно нуждаемости потерпевших от насильственных действий в обязательной помощи адвоката разделились почти поровну. Так, 45,9% респондентов указали, что адвокат необходим, поскольку в связи с перенесенным стрессом большинство потерпевших не могут сами полноценно отстаивать свои права и пытаются побыстрее разрешить ситуацию (даже во вред себе). А 49,6% респондентов ответили, что в обязательном привлечении адвоката нет необходимости, если она возникает, то потерпевшие сами могут его пригласить.

Кроме привлечения адвоката за счет государства, существует и второй вариант реализации этого предложения: путем обеспечения оплаты его услуг за счет особого финансового фонда. Большинство прокуроров (70,4%; $\chi^2=63,0$; $p<0,001$) положительно отнеслись к идее создания специализированного фонда финансовой помощи

потерпевшим. Этот фонд может обеспечить оплату не только юридической помощи адвоката, но и оказания качественной психологической, медицинской, социальной и других видов помощи, а также иных необходимых расходов. Идею создания такого фонда уже на протяжении многих лет пытается продвигать Следственный комитет Республики Беларусь [9].

Следующий вопрос к сотрудникам прокуратуры касался необходимости внедрения правовых норм, которые бы позволяли максимально сократить участие потерпевшего в уголовном процессе с целью избежать риска его повторного (дополнительного) травмирования. Больше половины ($\chi^2=11,6$; $p<0,001$) респондентов (58,5%) отнесли к этой идее отрицательно, поскольку считают, что подобные нормы усложнят судебно-следственную практику. Положительно к указанной идее отнесли 37,0% опрошенных.

Очередной вопрос был посвящен оценке соответствия правовой категории «моральный вред» современному состоянию науки и практики. Среди респондентов преобладал ответ: «Правовая категория морального вреда требует незначительной доработки» (40,0%). Далее по частоте следовал ответ: «Правовая категория морального вреда полностью выполняет свою функцию и в доработке не нуждается» (31,1%), а также: «Правовая категория морального вреда требует глобального переосмысления» (26,7%). Статистически значимо отличались только первый и третий по частоте варианты ответа ($\chi^2=5,4$; $p<0,02$). Вместе с тем с учетом их суммирования (66,7%) можно утверждать ($\chi^2=28,6$; $p<0,001$), что так или иначе сотрудники прокуратуры видят необходимость коррекции обсуждаемой нами правовой категории.

Само название данной юридической конструкции «моральный вред» несколько неудачное, поскольку в общественном дискурсе этот термин наделен, скорее, философским смыслом и не отражает психических страданий человека. Такое понимание указанного термина ставит в тупик потерпевших, когда на предварительном следствии или судебном заседании о наличии у них морального вреда спрашивает следователь, прокурор или судья. Более того, в научном обороте существует психолого-психиатрическая концепция морального вреда, которая в полной мере соответствует своему названию (нарушение собственных ценностей, которое приводит к страданиям), в отличие от обсуждаемой нами отечественной правовой категории [10–15].

В связи с вышеизложенным и был задан прокурорам вопрос о том, целесообразно ли отечественную правовую категорию «моральный вред» заменить на принятую в мировом медицинском сообществе конструкцию «психическая травма» [16–21]. Большая половина (51,1%) опрошенных не сочли целесообразным что-либо менять. Вторая по количеству ответов часть респондентов (42,2%) посчитали, что необходимо использовать термин «психическая травма» и положительный зарубежный опыт в данном вопросе с учетом национальных медико-правовых традиций. «Нужно заменить только название на более соответствующее – «психическая травма», – так ответили 3,7% респондентов. При этом значимая часть респондентов отметили необходимость дальнейшего развития изучаемой нами правовой категории.

Не менее важным моментом является определение круга специалистов, на основании компетентного мнения которых судом будет приниматься решение о наличии и выраженности психической травмы (морального вреда), а также решение о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между преступлением и

психической травмой. Большинство опрошенных ($\chi^2=10,5$; $p<0,002$) считают, что для принятия таких решений достаточно медицинских документов и внутреннего убеждения судьи (42,2%). Далее следовал ответ: для таких целей необходимо привлечь специалиста, имеющего соответствующую лицензию (23,0%). Менее популярными ответами были: необходимо привлечь любого специалиста сферы охраны психического здоровья (14,8%), судебного психиатра и/или психолога (14,1%). Полагаем, что привлечение квалифицированных психиатров и психологов является обязательным условием обеспечения всестороннего и объективного судебного разбирательства с целью установления наличия психической травмы и степени ее выраженности.

Весьма важным является дифференцированный подход к оценке выраженности психической травмы, что непосредственно связано с попыткой выделения ясных, четких и справедливых подходов к определению суммы денежной компенсации потерпевшим. Большинство прокуроров 65,9% ($\chi^2=45,2$; $p<0,001$) положительно отнеслись к идее разделения психической травмы на ординарную психическую травму (эмоциональные переживания при отсутствии диагноза психического расстройства в результате преступления) и психическую травму в виде психического расстройства (при установлении соответствующего диагноза). Не поддержали данную идею 24,4% респондентов, ответив: «Такое разделение не подходит, травма либо есть (психическое расстройство), либо ее нет», что, на наш взгляд, несколько обесценивает перенесенные человеком страдания, которые не достигают по своей выраженности степени психического расстройства. Безусловно, максимально дифференцированная оценка позволит наиболее точно определить размер суммы компенсации и алгоритм ее вычисления, на начальном этапе предложенное разделение нам кажется первым значимым шагом в указанном направлении.

Далее был представлен вопрос о том, должна ли ординарная психическая травма (эмоциональные переживания без развития психического расстройства) быть априорной нормой при любом преступлении. На этот вопрос большая часть прокуроров – 56,3% ($\chi^2=6,5$; $p<0,01$) ответили отрицательно, пояснив, что любую психическую травму необходимо доказывать. Высказались за внедрение априорной нормы в виде наличия психической травмы у потерпевшего «по умолчанию» даже при незначительном преступлении 40,0% респондентов. Авторам настоящей статьи ближе вторая по популярности позиция опрошенных, поскольку, на наш взгляд, ее реализация будет способствовать укреплению справедливости и гуманности белорусского правосудия.

Продолжая тему дифференциации психической травмы, мы выяснили отношение сотрудников прокуратуры к созданию и внедрению в рамках отечественного законодательства унифицированного перечня компенсаций в соответствии с видами совершенных в отношении потерпевших преступлений при наличии ординарной психической травмы. Отрицательно отнеслись к этой идее 69,6% респондентов ($\chi^2=43,2$; $p<0,001$), поскольку «в каждом случае нужно всегда разбираться отдельно», 28,9% опрошенных отнеслись положительно, так как «это значительно поспособствует обоснованному и четкому правоприменению». Полагаем, что такой подход позволит обеспечить денежную компенсацию всем людям, перенесшим негативные переживания от совершенных в отношении них правонарушений, а также избежать диспропорции в размерах компенсации по одинаковым преступлениям.

Затем был поставлен вопрос о том, каким образом следует выплачивать компенсации потерпевшим, у которых будет установлена психическая травма в виде психического расстройства. Большинство респондентов (68,9%; $\chi^2=50,0$; $p<0,001$) считают, что в таком случае необходимо выплачивать единовременную денежную компенсацию, установленную в унифицированном перечне компенсаций, а также возмещать расходы на оплату лечения потерпевшего у специалистов сферы психического здоровья. Отрицательно отнеслись к данной идее 25,2% респондентов.

Следующий вопрос был связан с тем, что зачастую психическая травма у потерпевшего возникает в результате не преступления, а комплекса причин, в том числе следственных и судебных действий (повторяющийся стресс в виде напоминания о случившемся, ретравматизация). Примерно половина опрошенных (60,0%) указали на то, что именно обвиняемый запустил каскад всех событий (совершил травмирующее действие), поэтому он в полной мере является ответственным и должен возмещать причиненный вред. Вторая половина респондентов (36,3%) посчитали, что необходимо отделять последствия воздействия самого правонарушения на психику потерпевшего от сопутствующих факторов. Между мнениями респондентов по этому вопросу выявлены статистически значимые различия ($\chi^2=14,2$; $p<0,001$).

Следующий блок вопросов касался оценки достоверности психической травмы с учетом возможности проявления потерпевшим симуляции или аггравации. Примерно половина респондентов посчитали психиатрическую оценку достаточно достоверной (52,6%), респонденты второй половины указали на то, что требуются дополнительные инструменты оценки возможной симуляции (43,7%). Далее было установлено, что большая часть сотрудников прокуратуры положительно относится к внедрению специализированных тестовых методик для установления психической травмы – 82,2% ($\chi^2=125,6$; $p<0,001$), а также к внедрению айтрекинга (инструментальный метод, основанный на фиксации реакций зрачка и движения глаз) – 56,3% ($\chi^2=15,4$; $p<0,001$).

Весьма важным является и вопрос о том, кто и как должен устанавливать факт элиминации психической травмы (излечения), если травма была в форме психического расстройства. В 51,1% случаев ($\chi^2=23,0$; $p<0,001$) сотрудники прокуратуры ответили, что факт выздоровления должен устанавливать специалист сферы психического здоровья, который занимается непосредственным лечением потерпевшего (во внесудебном порядке). В 22,2% случаев опрошенные указали, что для этой цели должна быть создана специальная межведомственная комиссия (психиатр, юрист, психолог и т. д.), третья группа респондентов (22,2%) считает, что факт выздоровления (значительного улучшения) должен устанавливаться в судебном порядке (на основании заключения специалиста, осуществлявшего лечение, или межведомственной комиссии).

Таким образом, результаты анонимного анкетирования показали, что в соответствии с практическим опытом сотрудников прокуратуры менее половины потерпевших от насильственных действий самостоятельно заявляют иски о компенсации морального вреда. При этом значительная часть опрошенных видит необходимость совершенствования обсуждаемой правовой категории. Около половины респондентов (42,2%) посчитали, что вместо морального вреда необходимо использовать термин «психическая травма» и положительный зарубежный опыт в данном вопросе с учетом национальных медико-правовых традиций. Значимо большая часть

опрошенных положительно относятся к внедрению специализированных тестовых методик для подтверждения психической травмы, а также к внедрению инструментальных методов (айтрекинга). Кроме того, сотрудники прокуратуры поддержали идею создания специализированного фонда финансовой помощи потерпевшим (для оплаты психологической, медицинской, социальной, юридической помощи и иных расходов).

■ ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Skugarevsky O., Ostynko Yu., Dukorsky V. On the way from moral damage to mental trauma. *Judicial Bulletin*. 2021;1:62–66. (in Russian)
2. Skugarevsky O., Evukhovich E., Dukorsky V. Perspectives of the medical and legal category "psychological/psychiatric injury" within the framework of domestic medical and legal reality. *Law and order*. 2022;63(3):60–63. (in Russian)
3. Skugarevsky O., Mistiukevich D., Dukorsky V. Pre-trial investigation and psychological/psychiatric injury in victims of crime. *Preliminary Investigation*. 2023;1(13):22–26. (in Russian)
4. Ostynko Yu., Dukorsky V., Kamenskov M. The diagnostic value of eye-tracking for forensic psychiatry and sexology. *Forensic Examination of Belarus*. 2023;1(16):47–52. (in Russian)
5. Skugarevsky O., Golubovich V., Ostianko Yu., Dukorsky V. Moral damage vs. psychological/psychiatric injury: analysis of the position of forensic psychiatrists and forensic psychologists. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2024;15(1):119–128. (in Russian)
6. Blix I., Glad K.A., Undset A. et al. My child could have died: counterfactual thoughts and psychological distress in parents of trauma survivors. *European Journal of Psychotraumatology*. 2024;15(1):2326736. doi: 10.1080/2008066.2024.2326736
7. Wilcoxon L.A., Meiser-Stedman R., Burgess A. Post-traumatic Stress Disorder in Parents Following Their Child's Single-Event Trauma: A Meta-Analysis of Prevalence Rates and Risk Factor Correlates. *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2021;24(4):725–743. doi: 10.1007/s10567-021-00367-z
8. Zaitseva L. Restorative justice – an alternative to criminal prosecution. *Judicial practice in the context of the principles of legality and law*. Minsk; 2006. P. 298–306. (in Russian)
9. Bushkevich N. S. On the feasibility of creating a state targeted off-budgetary fund for compensation of harm to victims. *Preliminary Investigation*. 2018;2(4):82–86. (in Russian)
10. Dukorsky V., Skugarevsky O., Ostianko Yu., Dzyakau D. Psychological and psychiatric concept of moral injury. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2024;15(2):226–231. (in Russian)
11. Jameton A. *Nursing practice: the ethical issues*. New York; 1984.
12. Shay J. *Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character*. New York; 2010.
13. Griffin B., Purcell N., Burkman K., et al. Moral injury: An integrative review. *Journal of Traumatic Stress*. 2019;32(3):350–362. doi: 10.1002/jts.22362
14. Farnsworth J.K., Drescher K.D., Nieuwsma J.A., et al. The role of moral emotions in military trauma: Implications for the study and treatment of moral injury. *Review of General Psychology*. 2014;18(4):249–262. doi: 10.1037/gpr0000018
15. Shay J. Moral injury. *Psychoanalytic Psychology*. 2014;31(2):182–191. doi: 10.1037/a0036090
16. Young G. Trends in Psychological / Psychiatric Injury and Law: Continuing Education, Practice Comments, Recommendations. *Psychol. Inj. and Law*. 2010;3(4):323–355. doi: 10.1007/s12207-010-9092-x
17. Koch W.J., Kevin S.D., Nicholls T.L., et al. *Psychological Injuries: Forensic Assessment, Treatment and Law*. New York; 2006.
18. Young G., Nicholson K., Kane A.W. *Causality of Psychological Injury*. New York; 2007.
19. Association for Scientific Advancement in Psychological Injury and Law. Available at: <http://www.Asapil.net> (accessed 19.12.2023).
20. Psychological Injury and Law Journal. Available at: <http://www.asapil.net/psychological-injury-and-law-journal> (accessed 19.12.2023).
21. Vilariño M., Arce R., Fariña F. Forensic-clinical interview: reliability and validity for the evaluation of psychological injury. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2013;5(1):1–21.